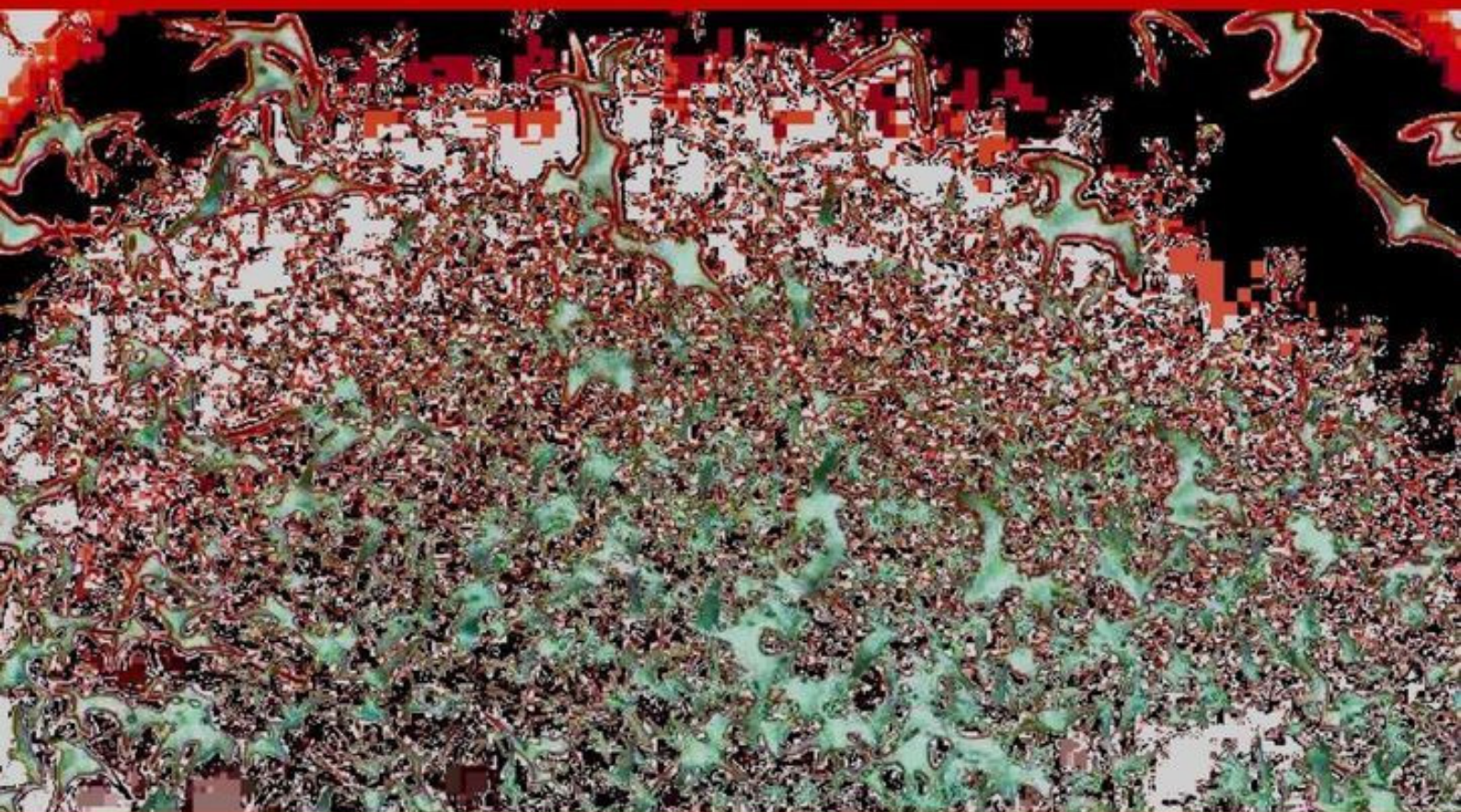

18+

Елена Гвозденко

ДРОЖНИКИ. ПОКОРЕНИЕ МИРА

Елена Гвозденко

Дрожники. Покорение мира

«Издательские решения»

Гвозденко Е.

Дрожники. Покорение мира / Е. Гвозденко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510873-9

Пандемия причудливым образом стала иллюстрацией древнего славянского мифа о дрожниках, бесах страха. Предки описывали нашествие дрожников как атакующий рой мелких колючек, впивающихся в тело. Они и сами становились частью этого тела, сливаясь с плотью, уничтожали человека так, что даже памяти не оставалось... Мы живем в ожившем мифе.

ISBN 978-5-00-510873-9

© Гвозденко Е.
© Издательские решения

Содержание

Синопис	6
Новелла, вместо предисловия	7
Покорение мира	8
Дрожники. Новелла	9
Покорение мира	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дрожники. Покорение мира

Елена Гвозденко

© Елена Гвозденко, 2020

ISBN 978-5-0051-0873-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синописис

Пандемия причудливым образом стала иллюстрацией древнего славянского мифа о дрожниках, бесах страха. Предки описывали нашествие дрожников как рой мелких колючек, впивающихся в тело. Они и сами становились частью тела, сливаясь с плотью, уничтожая человека так, что даже памяти не оставалось...

Новелла, вместо предисловия

Из северных деревень вывозили крестьян в южную губернию. В пути многих схоронили. Управляющий Клим Захарович, что встретил переселенцев, пугал, пугали и дома, куда их заселяли – казалось, люди исчезли из них накануне. Григорий и Федор Морозовы ушли в сумерках хоронить кошку. Во дворе их настигла странная буря – миллионы спутанных куделей цеплялись за кожу, вырывали мясо, высасывали соки, стирали с лица земли. И в тот же миг о них забыли, будто и не было.

Запущенная барская усадьба, у обледеневших дверей спальни дежурит старый безумный Арефий. Управляющий решительно входит внутрь, нельзя пропустить пробуждение барина. А он просыпается, ведь дрожники напился первой крови.

Год назад было все иначе, молодой барин наезжал, требовал денег, лютовал по молодости. Деньги нужны были на игры да барышень. В ту пору забрела странница, снизошло на нее откровение, и стала по домам бегать, кричать про дрожников. Ее прогнали, но в тот же вечер барин слег. Привозили разных докторов, только барин слабел. В одну из ночей случился припадок – как безумный разгромил все в доме, а потом упал и умер.

В деревне начались смерти: младенец, его мать. А в усадьбе барин открыл глаза во время подготовки к похоронам.

С тех пор и впадает в страшное забытье, как уничтожат всех крестьян бесы страха. Очнулся помещик, спросил о крестьянах и успокоился, ведь его мучения прекращаются только, когда дрожники сыты.

Беспмятство накрыло деревню – нет ни желаний, ни чувств, только старуха перебирала узелок со смертным.

Покорение мира

Егор и Ася переехали в отдаленную деревню, чтобы переждать карантин. Туроператор обещал леса, озеро в сочетании с привычным комфортом, включая высокоскоростной интернет. Но интернет пропал, озеро они так и не отыскали, а местные неприветливы. Деревня мистическим образом меняется и меняет героев, погружая в реальность прошлого. Ася превратилась в крепостную крестьянку, вскоре рядом с ней появляется новый муж, «хозяин». Все привычные вещи исчезли – нет машины, ноутбука, нет даже электричества и вещей прежних хозяев, они полностью погрузились в позапрошлый век. Ночью Егора преследует жуткий вихрь, ураган из страшных колючих существ, дрожников.

Деревня переживала метаморфозы, становилась оживленнее, появлялись новые жители. Егор попытался познакомиться с управляющим Климом Захаровичем, его дом был самым уютным в поселении. Но молодого человека арестовали, бросили в подпол. Егору удалось бежать, ему помогла Анна, девушка из настоящего. Она отвела Егора в дом к Семенихе, ворожее, которую в деревне боялись.

Семениха рассказала Егору о дрожниках, о деревне Ворожихе, где поселились бесы, прикормленные жестокостью барина. Чтобы противостоять им, надо пройти обряд у Светлого ручья, пережить три рассвета и заката, став воинами Света.

«Среди жертв есть жертвы избранные, кто-то становится адептами страха, воинами тьмы. Такие как управляющий и барин, а есть и те, кто служит прибежищем – существа безвольные, бездушные... Дрожники гнездятся в их телах миллионами, миллиардами. Впрочем, это уже не люди – оболочки, носители воли зла», – открыла ворожея.

Егор и Анна отправились в сакральную зону. За время, проведенное у ручья, им пришлось пережить распад и возрождение, осознать силу светлого начала, напитаться этой силой. Им больше не нужны слова, они умеют читать чувства.

Молодые люди вышли из леса совсем иными, иным был и водитель, подвезший их. Город лежал асфальтовым туманом, окаменелым остовом, пронизанным всполохами зла. Но удивительная сила Добра, зародившаяся в адептах Света способна погасить кровавое зарево.

Дрожники. Новелла

Не все доехали, некоторых потеряли в пути. Как узнали крестьяне Марфино, что купили их на вывоз, умыли землю слезами. Но доля такая подневольная – плачь не плачь, а волю барскую исполняй. Иные и не горевали вовсе, радовались. Особливо те, у которых хозяйство шаткое, кто и северные земли не спешил потом поливать. Хотя поговаривали, что на юге урожая такие, что во сне не приснится. С десятины зерна – весь год семью кормить хватит да на посевную останется.

«Колос-то колос, что моя рука, – бегал по дворам кривой Фрол, – а зерно, зерно с мой кулак».

Крестьяне не верили, но Фрола слушали охотно. Он один с их деревни в крымскую компанию побывал на юге. Что ему врать-то? Разве в расчете на чарочку? Так и без того нальют, народ отзычив стал. Если уж скотинку не берегут, то не по чарке же плакать.

Бабы выли как по покойникам, когда уводили скот на ярмарку. Уж больно жалко было своих коровушек, кормилиц. Шутка ли, разом и корову, и прочую живность. Опустели дворы, лишь подводы сколачивают, правят, чтобы путь дальний выдержать. Не привыкли кочевать, росли в суровую землю, корни пустили, уж сколько поколений, могилы отцовские здесь, их не увезти.

Дорогу и вспоминать не хотели, тяжело. Умерших хоронили наспех, в пути. Измучились, исстрадались, но до места добрались. Барин прислал управляющего встретить, разместить на первое время в заброшенной усадьбе да пристройках. В Марфино еще холода, зима лютует, а тут уже весна проталинки топит, ручьями поет. Пока размещались общиной, пока печь старую налаживали хлеба проворить – Клим Захарыч, управляющий, провизии привез, мужики уже сбегали по окрестностям. Вернулись довольные: и лесок, и речушка. Стали допытывать Клима Захарыча о домах своих, о бресе на строительство, он лишь отмахивается, мол, завтра все.

Наутро повезли в деревню, заселяться. Деревня Ворожиха вынырнула перед обозом из-за леска. Речка, луг, поля с осени вспаханные, а над домами ни струйки дыма. Подъезжать стали и вовсе удивительно – тишина как на погосте. Хоть бы петушок где пропел или собака залилась в лае. Пусто, жутко.

Притихли марфинцы, перешептываются. Остановили поезд в середине деревни, поджидают управляющего. Клим Захарыч прискакал на вороном коне – красавце длинногривом. При дневном свете разглядели переселенцы и сжатые губы, и высокие скулы, и мелкие прикрытые бровями глаза.

«Ишь, суров» – понеслось над подводами.

– Ну что ж, коли прибыли – размещайтесь. Хаты свободны, выбирайте по вкусу. Знаю, что переселенцев шестьдесят четыре семьи, а хозяйств в деревне больше ста, так что всем хватит. Скотинку со старостой обсудим, будете и с курами, и с коровами, да и прочей живностью. Готовьте денежки.

– А куда народ-то подевался? – Фрол вышел перед толпой.

– Кто таков? – Брови управляющего сдвинулись так, что казалось вместо глаз два черных провала, – вы тут пререкания свои бросьте, не на северах. Здесь другие правила. Говорить только с позволения. Ясно? – Сказал и умчался. Народ не спешил расходиться, как-то робко по чужим углам. Но вот первые пошли, за ними и остальные. К вечеру все определились. Не обошлось без скандала, несколько семей не поделили самые справные дома. По поручению управляющего в Ворожиху подвезли несколько подвод с мукой, пшеном и прочими припасами на первое время.

Как и в Марфино новости разносил кривой Фрол. Да и что ему, одинокому, тулуп на гвоздь повесил – обжился. Бегал по дворам, узнавал, как устроились. Насельцы больше помалкивали, будто в себя прятались. Не нравилось место многим. В домах, будто вчера еще жили – посуда, справа всякая, сундуки с добром. В амбарах даже зерно осталось, в погребах запасы разные. Следы скотины повсюду, но не пса дворового во всей деревне.

В Марфино даже в страду вечерами у дворов собирались, отовсюду шутки, смех. А здесь будто онемели. Бродят тенями молчаливыми, засовы правят. А засовы крепкие, только сорваны, порушены.

– Кошка-то Морозовых исдохла, – рассказывал Фрол в каждом доме, – как внесли в дом, будто сбесилась. Подпрыгивала до матицы. А потом упала, и дух вон.

Только Морозовы решились привезти кошку. Старая Морозиха ни в какую без нее ехать не хотела. Говорила, что пойдет на погост, ляжет на могилку мужа и будет так лежать, пока Господь душеньку не приберет. И без Фрола мрачно в каждой избе. Не дома – в гостях. Да и хозяйева не приветливы, всякий чувствовал. Даже дети притихли, по углам прятались. И чужим игрушкам не радовались.

А в семье Морозовых плач, старуха-мать в узелках роется, смертное ищет. Снохи Авдотья и Анна около нее крутятся, успокаивают. Мужья их, сыновья Морозихи, Григорий и Федор от баб сбежали, вроде как котейку схоронить, а возвращаться не торопятся. Присели у сарая, тишину слушают.

Ночь печной сажей красила в поливную чернь. Григорий и Федор и без того молчаливы, сейчас совсем онемели. Словно враз потеряли интерес и к новому месту и к новой жизни. Какое-то оцепенение сковывало члены. Надо идти в дом, а будто стреножили. Поднялся ветер, ледяным холодом пахнуло. Подумалось, что принесло привет с далекого Марфино, с земли, на которой родились, но не было на их родине такого мертвого холода, такого ветра, что забирався под кожу и разрывал ее изнутри. Какая-то шевелящаяся туча надвигалась с востока.

– Это что, братка? – разлепил губы Федор.

– Да вроде мыши летучие, хотя странные – ни шелеста, ни писка.

– Идти надо к бабам.

Но не успели братья подняться, как туча вихрем налетела, рассыпалась множеством спутанных куделей. Они цеплялись, прилипали к телам, скользили, вызывая нетерпимый зуд, опутывали, скручивали, стягивали. Кровь хлынула из множества порезов, но не успевала стекать на землю. Серые спутанные кудели втягивали плоть со свистящим звуком. В несколько мгновений от братьев и следа не осталось, а распухшие темно-серые клубы вереницей потянулись на запад.

Авдотья и Анна слышали странный свист со двора, но так и не решились выйти искать мужей.

В барских покоях темно, гулко, лишь старый дворовый Арефий дремлет у закрытых дверей барской спальни. Он настолько стар, что плохо понимает, что происходит вокруг. Его не удивляет, что вся дворня давно уже пропала, не удивляет, что некогда роскошные покои опустели, что в кухне не топят печей, а посуда опутана паутиной. Все дни и ночи проводит он в каморке на людской половине, изредка протапливая маленькую печь. Раз в несколько дней он варит себе в чугушке кашу, из круп, что находит в кладовой. Это отнимает у него последние силы, и он подолгу спит на лавке, укрывшись старым тулупом. Долгие годы в услужении стерли его память, выветрили все мысли, страх сжег чувства. Он в полусне ходит за водой к колодцу, в полусне ходит за дровами, в полусне заваривает скромный обед. Он не видит снов, лишь белесую муть, в которую изредка вторгается властный голос, заставляя его брести на половину барина, к этим дверям с облетевшей позолотой. Он не замечает жуткого холода, исходящего не от заледневших окон и промерзших дверей, холода, который исходит от барской спальни.

Клим Захарыч тормошит старика, вытаскивает из мутного забытья.

- Очнулся Павел Александрович?
- Не знаю, батюшка, – белесые сухие губы еле шевелятся.
- Плохо службу несешь.

Управляющий еле открыл смерзшиеся двери. Совсем недавно в барскую спальню он входил в поклоне. Но на смену страху, который сгибал его спину, пришел настоящий ужас. Каждый шаг давался с трудом, но медлить нельзя, Павел Александрович должен видеть его в первые минуты своего бодрствования. А то, что он очнется именно сегодня, сомнений не было – ночью пропали первые переселенцы. Дрожники получили дань.

Еще год назад он и не слыхивал об этих дрожниках, служил себе управляющим в поместье Павла Александровича Вистунова. Барин редко наезжал, но в приезды был лют. Все казалось, нерадивы крестьяне, вороваты да ленивы, потому и доход падает. Но не успевали рученьки крестьянские за прытью барской у стола, зеленым сукном подбитого. Не успевали за лихими наездами молодого повесы в магазины, сверкающие от безделиц для обольстительниц сработанных. Лютовал барин, марал руки кровью, но крестьяне молчали, лишь сильнее страх клонил к земле. В минувшее лето забрела в их края странница, шедшая на богомолье. Остановилась у реки, перекусить, да видно что-то пригрезилось в полуденном мареве. Побежала по домам, стуча по воротам клюкой.

«Дрожники, дрожники, у вас повсюду дрожники, сгинете все», – кричала она исступлении. Ее хотели изловить, да куда там. Она так и металась, выкрикивая что-то про бесов страха, которые высасывают жизнь до последней капельки. Мол, оглянуться не успеешь, а человека-то и нет, даже памяти, что душа на земле оставляет, не остается. Ничего. Мол, беда, если кто-то с ними договор заключит, ему служить будут, а остальных не помилуют.

Старуху прогнали, но в тот же вечер слег барин. Доктора приезжали разные, даже из столицы. Привозили порошки, какие-то бутылочки с питьем и обещали скорое выздоровление. Но барин хирел. Пока в одну из ночей у него не случился приступ. Он метался по комнате, крушил мебель и с кем-то спорил. Дворовые, было, попытались войти, но побоялись. А к утру стихло. Когда вошли, барин уж остывать начал. Послали за доктором, священником, да не доехали – одного лошадь понесла, а второй и вовсе сгинул, будто и не рождался. И в тот же день младенчик Нюрки Михайловой от родимчика помер. Бабки говорили, что испугался чего-то. А за ним и сама Нюрка в тот же день будто плачем изошлась.

Не дождавшись ни доктора, ни отходной панихиды, дворовые принялись за обмывание тела. И тут барин открыл глаза...

Вглядываясь Клим Захарыч в темный угол, но близко к постели не подходил. Наконец еле заметное шевеление вывело из оцепенения. Управляющий поспешил зажечь свечи.

- Долго спал? – Голос Павла Александровича еще не набрал нужной силы.
- Так, почитай, три месяца. Пока я, по вашему приказанию, сделку оформил, пока привез.

– Езжай поутру опять. Этих и до лета не хватит.

– Да как же, Павел Александрович?

– Делай, что сказал, – барин поднимался с обледеневшего ложа, – не я господин дрожникам, они надо мной властвуют. Только и отдыхать дают, пока сыты. Думаешь, знаешь, что такое настоящий страх? Нет, братец, ты и близко его не познал. Не сплю я и не мертвый. Уж лучше бы умереть мне тогда. Ты вот говоришь, что три месяца, а мне они в тридцать лет показались, каждую секунду в страхе. И передышки нет. Езжай, не спорь. Слаб я еще.

– Но надо же людишек устроить, наделы раздать, со скотинкой решить.

– Езжай, я тебе говорю. Не помнят они больше о скотинке, да и про наделы скоро забудут, как себя забывают.

Светало в Ворожихе медленно, лениво. Авдотья и Анна поднялись с лежанок, глянули в угол – нет икон, занесли было руки перекреститься, да тут же забыли. Как забыли о своих

мужьях, что пропали в ночи. Как не помнили младенчика Анны, которого схоронили в дороге. Мельтешили по избе, затапливали печь, варили кашу. А старая Морозиха больше не плакала, лишь перебирала узелок со смертным.

Покорение мира

30.03. «Привет, дорогой мой друг Серега. Мы третий день на месте, обживаемся. Не могу выйти на связь онлайн, с интернетом проблемы, хоть агент и обещал бесперебойный и скоростной. Все подвисает, только почту отправляю. Хорошо хоть работы отложенной накопилось. А вот Аська скучает без своего инстаграма. Нашла в машине парочку гламурных журналов, читает, хотел ей книжку подсунуть, номер не прошел. Я тут обнаружил весьма неплохую для старого деревенского дома библиотеку, буду перечитывать классику и дышать свежим воздухом. Завидуй! Как вы там, в душных квартирах? Как Геля? Удастся не скандалить? Все же хорошо, что мы сюда переехали, неизвестно, когда этот домашний арест закончится. Места здесь фантастические: деревушка со всех сторон окружена лесами, километрах в пяти озеро. Там пока не были, но в лесу гуляли. Полное ощущение, что попали в какой-то сюрреальный мир, и название совершенно сказочное – Ворожиха. На улицах никого не видно, впрочем, я погорячился, улица здесь всего одна. Дома расположены на значительном расстоянии друг от друга и в окружении такой буйной растительности, что можно разглядеть лишь убогие крыши, впрочем, за высокими и крепкими заборами. Представляешь, за три дня не встретили ни одной живой души, не считая облезлой кошки, впрочем, мы особо по деревне не гуляем, мало ли... Ты спрашивал, как здесь с продуктами. Мы рассчитываем пополнять какие-то запасы у местных жителей, с собой привезли достаточно, в конце концов, доедем до соседней деревни, там есть магазин. Все, пошел, Аська просит печку растопить. Вот видишь, какие экзотические навыки я тут осваиваю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.